

Павел Гусь

Зга

сказка

2021

Ай, не поведать ли, не рассказать, быль-небыль стародавнюю. Да не для утех, не ради пустого звону, а для уроку, пусть и давнего сроку, а всё ж для пользы и науки, и дани минувшим векам, коим низко кланяемся.

Цвела тогда Русь. Все прежние напасти в памяти народной порошей да настом покрываться стали в летописях да преданиях прибывали. Уж тебе ни набегов, ни басурманских грабежей, ни беззаконий. Князья братаются, грады строят, церкви, да монастыри возводят. Живут люди в труде и радости, Бога благодарят, по воскресным дням, стар, млад да середняк на молитве стоят. «Божьи хоромы» полны народом. Велика, да красна жизнь на Руси стала – только живи!

Да вот пришла беда, нежданно-негаданно, как тать ночью, да не одна пришла, а словно все беды вобрав в себя. Что ни месяц, пожары неистовые, годы стоят сплошь неурожайные, по местам набегу басурманские, а с тем и лихо, да нечисть повылезли, всюду страх, разор и запустение – всё разом. Вот ведь злосчастье, вот недоля!

Измаялись противится невзгодам люди, понурились. Богу в мольбах лбы и колени истерли, а избавы всё нет. Народ кручинится, темнеет, никому не верит. За краткий срок пол Руси помрачнело.

Созвались тогда в некогда преславном граде Суждали, где всегда меж собой князья сбор вели да суд ждали, со всех с градов, со всех долов и с весей русских: простые и премудрые, князья и воеводы, купцы и воины, попы и монахи, крестьяне и мастеровые, книжные люди да непраздные. Три дня думу думали, головы ломали, молились, спорили да мирились. А на третий день решили старца Анфима, отшельника великого, совета просить. Уж ему-то должно быть ведомо, как с напастью сей справиться. Наградил Господь Анфима дарами духовными, дарами духовными да чудотворными: непрестанной молитвой, кротостью преизрядной, прозорливостью с рассуждением. Что было, что будет ведает, с Богом беседует, а Тот ему отвечает, Анфим только головой качает, умиляется. Былым временем, шёл к нему народ русский в бедах своих да в неурядицах, вереницей нескончаемой со всех концов. Да уж больно тяжело стало старцу,

людно. Монах он, ведь с Богом наедине, а тут как в огне, сердца пламенеют, языки, как поленья трещат, аж, немеют. А всё больше суесловят да друг дружку бранят на всякий ляд. Вот и скрылся скоро Анфим в затвор дальний, в леса дремучие, непролазные, подальше от людских глаз да праздных разных, душу свою от тщеславия и прелести спасать, тишины да мира искать. Где теперь, Бог весть, да и жив ли?

Отрядило вече созывное послов своих, смельчаков, челобитников в леса те рязанские, в глушь непроходимую в Станово становище отшельническое идти да старца найти, кланяться ему в ноги да просить подмоги.

Долго ли, коротко ли шли послы, по тропам нехоженным, по ухабам взъерошенным, по бурьянам вяжистым, по буреломам коряжистым. Ой, да непросто найти место потаённое, святое. Бог его хранит, покрывает да не всем открывает. Забрели послы в чащобу тёмную, точно мёртвую, беспросветную. Чуют, не выжить им здесь. Ноги утомились, не слушаются, ни воды, ни хлебушка не осталось. «Помолимся за упокой наших душ, братья», - говорят, - «близок конец наш. Видит Бог, мы себя не жалели. Искали старца, где могли, всё облазили, да видать, нас сглазили, или где-то мы нагрешили да неверно идти решили». Только окончили они причитания, слышат, а вдалеке звон бубенцовый раздаётся. Побряцает, побряцает, перестанет, вроде, как манит. Стали из последних сил на звон выбираться, да так, ель за елью, сосна, за сосной на свет и вышли. Глядят, а то белка вдоль опушки с ветки на ветку скачет, бубенчики в лапках держит да ими потрясывает. Белка, раз-раз, в шапке старой ивы и схоронилась, той, что посереде опушки растёт, ветви свои вековые в пол поляны раскинула. Ежели и семеро станут руками обхватывать ствол её, и тех не хватит. Дупло в иве огромное, темной впадиной зияет, уж кто-то в нём да обитает. А перед деревом часовенка рубленая да затейливая такая, кружевами резными украшена, сама аки малый терем, главкой с крестом венчанной. Уж, какой плотник, какой зодчий смастерить сие чудо сумел?! Загляденье! А отсюда и благостное да усердное моление. От дива такого у челобитников усталость да малодушие исчезли куда-то. Шапки посымали, стоят, крестятся, глазают.

Из дупла, вдруг, рой пчелиный вылетел, а за ним старик ветхий показался седой весь, как лунь, курчá белёсая по плечам вьется, бороду пышную кудри вихрят снежные. Наземь медленно спустился, на посох опёрся, а пчёлы будто этого и ждали, друг за дружкой, всем роем в его бороду, жужжа и влетели, а и впрямь, она у него по всему ульем кажется. Бабочки да шмели вокруг седовласого кружат, белка с бубенцами по веткам шмыгнула да на плечо к нему уселась, и будто на ухо ему шепчет что-то.

На колени пало посольство удивлённое.

- Не ты ли Анфим будешь, старче? Гой еси! А коль, не ты, не ведаешь, где нам разыскать его, уж ходим лесами днями, а все без толку? Вече созывное, русское нас к нему послало с прошением слёзным, с воплем о помощи! – говорят, а сами лицами к земле прильнули.

- Встаньте, гости незваные, - отвечает старик тихим голосом. – На кой, вам эта рухлядь обветшала, этот грешник Анфимка? Он токмо важничать да бражничать и умеет. Ни проку с него, ни толку, ой, и нашли вы себе балаболку.

- Уж не знаем, мы про его грехи, не ведаем, вот только чтут его люди праведником, совета просят. Беда на Руси, ох, беда!

Поднялись послы с колен, да поведали старику обо всех несчастьях случившихся на земле русской, обо всех последних невзгодах. Сказывают да плачут, слёз не стыдятся. Выслушал старик послов вдумчиво да ничего не ответил. Вошёл молча в часовенку да дверь за собой прикрыл.

Ждут послы, ждут, а старик всё не выходит, устали. Только уселись на ступеньки резные, как видят, из чащи напротив, медведь вышел да в полный рост, в каждой лапе по пню. Обомлели скитальцы, замерли, а медведь подошел поближе, пни перед ними расставил да обратно в лес убежал. Смотрят, а пни-то, не пни, а кадушки медвежьи, одна доверху мёдом янтарным наполнена, другая соком березовым, словно роса прозрачным. Послы пальцы-то свои туда и запустили да так увлеклись, что с пальцев на ладони быстро переладились. Усы, бороды, да рукава кафтановы в меду да в соку все, уж хмелеть стали. Тут, белка, их знакомица показала да прямо перед ними орешков кедровых горочку высыпала. А за ней следом ежи зашипели, ягоды на спинах принесли, в клубки свернулись, лесные дары с них так и посыпались. Наелись, напились посланники вдосталь. Сон-то их и сморил. Прямо, тут у часовенки на лапнике и уснули.

Наутро проснулись, глядь, дверца часовенки отворилась, старик оттуда вышел, белизной своей пуще прежнего светится, видать всю ночь в молитве провёл. Тут уж сообразили послы, что сей старик и есть старец Анфим великий. С природой в ладу живёт, со всеми дружит, всякая тварь ему служит. Затвор от людей блюдёт, никто его не найдёт.

- Поподчивали вас люди добрые, послушнички лесные, али как? – спрашивает он послов.

- Благодарствуем, - отвечают. Сыты мы, отдохнувшие. Тебе и помощникам твоим поклон, за тёплый приём, за сладость яств да за мягкий наст.

- А, коли сыты, внимайте да всё как есть запоминайте, - говорит им Анфим, посохом о ступеньку постукивая. - От беды той проклятой, на Русь найденной, есть одно спасение – всеобщее воскресение. Но то уж в конце времён. А пока богатыря призвать надобно, как и прежде призывали деда наши да прадеды.

Послы плечи воздевают, недоумевают, руками разводят, слово не ловят, токмо причитают:

- Так откуда ж богатырям нынче взяться? Уж давно не те времена, отче. Перевелись на Руси богатыри, за ненадобностью. Кого ж призывать-то?

- Все, да не все, - отвечает старец, воздев к небу палец. – Жил не так давно на Рязанской земле Стоян Бронезлат Тихомирович богатырь из богатырей, уж куда сильней. Одолел в неравном поединке он огненного змия Любостая, да тот успел его ранить да яду пустить. Преставился вскоре богатырь, не сдюжил змиев яд. Сын у него остался, Храбром нареченный. Мать при родах умерла, один он теперь живет в посаде у стен града Ольгова. Сыщите Храбра, да скажите, что наследство его ждёт от отца его Стояна завещанное. Коли придёт сюда, поведаю ему, где наследство его и как его обрести. Да только пусть один ко мне приходит без провожатых. Отважится если, сумеет меня найти. Так и передайте мой наказ. Сам Бог его избрал, избавителем Земли Русской. Ступайте же, да поскорее, на кукушкин клик, тот, что среди иных кликов, трикратным будет, он вас к дороге на Ольгов и выведет. С Богом!

Перекрестил Анфим главы склоненные посольские и снова в часовенку поднялся да дверь за собой прикрыл. Тут же вдали кукование трикратное послышалось. Послы немедля на него и отправились.

День, ночь шли, а под утро стихла кукушка да дорога открылась, а по ней и мыс высокий с градом Ольговым скоро показался. Широко раскинулся под ним посад, уж, как тут сыскать богатыря? «Помоги нам Боже, а мы тебе тоже!»

Подошли послы к посадским спрашивают, не знают ли, где Храбр проживает, сын Стояна Тихомировича, богатыря русского. У кого не спросят, никто и слышать не слыхивал о таком. Старожилы на древнюю старуху, бабку Вею указали, мол, сами малыми были, а она уж столетней слыла. Кому-кому, а ей сам Бог велел ведать всё, может и вспомнит что. Нашли старую, слепа уж, едва слышит, да всё ж поведала посланникам, что помнит, как богатырь Бронезлат Тихомирович, хаживал, к Маланье, невесте своей, в избу крайнюю, что у рва самого да та, еще осемнадцать лет, как преставилась при родах. А живёт там теперь Несмел сиротка - здоровяк, а душа заячья. Всего боится, всех сторониться, то и дело прячется, некому с ним нянчиться, сам уж взрослый да рослый, беда с

ним одна, да жалеют его посадские, прикармливают. Убогий он, болящий, недотёп настоящий.

Делать нечего, пошли послы к Несмелу. В избу заглянули, а его нет нигде, ни в сенях, ни на печи, кричи не кричи, а нету. Собрались уходить уже, слышат, за печкой шорох вроде, да ворох да на мышиный не похож. Глянули, а там парень хорóнится, росл, плечист, а дрожит, как лист.

- Вылазь Несмел, пока сверчок тебя не съел. А мы людей не едим, мы добра тебе хотим, - говорят послы да подшучивают. Мыслимо ведь, здоровенный муж, а страшится. - Не знаешь ли ты Храбра, сына Стояна Бронезлата? Мать его в этой самой избе, говорят, жила когда-то.

Выбрался из-за печки Несмел, поклонился гостям и отвечает стыдливо:

- Жила тут Маланья, маманя моя, да померла, как меня родила. С тех пор один я тут живу. Посадские бабы каждая в свою чреду меня вскармливали да ничем не баловали. Гулять не водили, игрушек не дарили, своих детей не приводили. Отца своего я и вовсе не ведаю. Вот и вырос я болезный да пугливый. Вы простите меня, гости-гостьюшки. До вас не было у меня ещё гостей, не знаю никаких вестей. Может вы мне, что доброе скажите, может путь мне, из клетки сей опостылевшей укажите?

Дивились ответу Несмела посланники. Уж не Храбр ли он? Да не может такого быть! Разве робкими, да неловкими бывают богатыри? Поразмыслили послы, пошущукались да решили всё, что знают поведать Несмелу. А там уж, как Бог ссудит. Будь оно, как будет.

Выслушал Несмел посольский рассказ, проводил их, поклонился в ноги у посадской тропы, в избу вернулся, да призадумался. «Какой из меня богатырь, потешать людей да смешить детей? Обознались видать. А вот старец лесной, может и подскажет, чавóй. Как быть, как жить, и стоит ли? Мне Руси не спасти, а послужить ей, сердце просит», - подумал, да сердцем и принял. Собрать в дорогу вроде нечего. Хоть и боязно, а встал Несмел, образám в Крáсен угол поклонился да в путь следом за послами и отправился.

Вышел молодец впервые в раздолье, в поле бескрайнее, в мир поднебесный. Не от сей ли красоты хоронился он, не от сего ли боголепия предивного? Встал на холм, вобрал во грудь свою широкую воли, да духа русского, аж, захмелел немного, порадовался. Как тут Богу хвалу не воздать. Идёт, хвалитны поёт, Бога, да Русь славит.

Версту, другую миновал, на деревеньку дорога вывела. У домов народ сидит на голой земле, стонут, причитают, бабы слёзы льют, мужики на себе рубахи рвут. Иные с колодцев воду вёдрами носят, да на избы выплёскивают. Подошёл Несмел к селянам, спрашивает:

- Что случилось у вас, люди добрые? Что вы плачете, убиваетесь?

- Али слеп ты, - отвечают, - али насмеяться над нами, бесстыдник, прибыл? Погорельцы мы, села Погорелова, вторую неделю горим. Не стихает огонь, ни ночью, ни днём, ни вода не берёт его, ни песок, ни молитва. Ты глаза-то протри, да на языки полымя смотри.

Пучит глаза Несмел, удивляется. Кругом избы стоят целёхонькие, огнём не тронутые, говорит:

- А не вас ли люди, слепота одолела? Не вы ли надо мной потешаетесь?

- Шёл бы ты отсюда, парень, по добру по здорову, - отвечают ему мужики, да за брёвнышки частокольные хватаются, так и норовят их выломать.

Не стал Несмел дразнить людей боле. Прощения попросил, низко кланялся да в путь дальше отправился.

Ещё версты две прошёл, глядит, а по дороге вереницей народ идёт да всё чаще молодые да малые. Девы красные, мбодцы лобастые, дети курчавые да бабы величавые. Идут понурые, головы повесили, по сторонам не смотрят. Нагнал их Несмел, спрашивает:

- Куда путь держите, люди добрые? Отчего печальные, да отчаянные?

- Уж как нам не печалится, как не отчаиваться, - отвечают. - Видишь, связаны мы басурманской бичевой крепко-накрепко, в полон нас, на чужую сторону уводят, молодцов на рабский труд, девок и баб в наложницы, а остальных на смерть лютую да в неизвестность.

Несмел, глядит да дивится. Ни на руках, ни на ногах людских, ни узлов, ни бечеvy нету да и басурман не видать, куда ни глянь.

- Ай, не подшутить ли вы над Божьим странником решили? - говорит им Несмел. - Нет на вас никаких уз, нет и вбóрга. Что за видения, али потеха какая?

Нахмурились люди недобро. Несмела за болящего басурманина приняли. Молча идти решили. Обогнал их Несмел, да в сердце Богу помолился о несчастных да обманывающихся. А тут и леса рязанские открываться стали тёмные, еловые, неровные.

Долго ли, коротко шёл молодец, по тропам нехоженным, по ухабам взъерошенным, по бурьянам вяжистым, по буреломам коряжистым. Ох, и боязно, ох, и страшно, а жизнь-то прежняя куда страшней, вот и храбрился чрез силу Несмел, вот и смелел. Да, ведь, непросто найти место потаённое, святое. Заплутал, в чащах непролазных, увяз во мху болотистом, взмолился. Видит, вдруг перед собой у́жик извивается, а уши его сердоликовым отблеском посверкивают, да головочкой кивает в сторону, вроде, как путь указывает. Поднатужился из последних сил Несмел, выбрался из топи, да за ужом на блеск последовал. Так сосна, за сосной, ель за елью на свет-то и вышел.

На свету перед ним полянка раскинулась, блеснул ужик в последний раз бликом сердоликовым, да в траве исчез, как и не было. Дерево ивовое на поляне растёт огромное, под ветвями его ни дождь, ни жар не страшны для сотни людей, а то и поболее. Посреди древа дупло широкое темнеет. А перед деревом часовенка резная точно шкатулка узорчатая, главкой с крестом венчанная. Несмел диву дивится, ближе подходит.

- Гой еси, буди Храбр Стоянович, - вдруг слышит он из-за спины голос старческий. - Ждал я тебя. Гостем добрым будь нам, да желанным.

Обернулся Несмел, а перед ним старец убеленный витыми сединами длинными, уж, как появился не слышно, диво. Точно на куст цветущий, на него пчёлы, шмели да бабочки садятся. Старец скуфью снял, приклонил главу пред Несмелом, а на макушке его, под скуфьёй, гнездышко свито, да в нём птенчики махонькие щебечут, отец-соловушка их крылышком прикрывает, а сам песнь поёт, разливаётся, заслушаешься. Глядь, а тот самый ужик с сердоликовой головкой по руке старца извивается. Скрутился вокруг запястья, да чётками обернулся плетёными.

Несмел дивился, старцу в пояс поклонился, говорит:

- Не ты ли, честный отче Анфимом будешь?

Старец веки прикрыл в знак согласия, да так и оставил их опущенными, вроде, слушать чтобы и слышать лучше.

- Обознался, ты старче, не Храбр я, и отца своего не ведаю. Посадский я, из Ольгов-града. Люди Несмелом прозвали меня, за нрав трусливый, да боязливый. А пришёл я к тебе - на Руси быть беде, что ж я хоть и пуглив и несмел, как, не знаю и чем, послужить хотел.

- Слышу речи не Несмела, а Храбра я, - отвечает Анфим. - Ну что ж! Пусть рассудит нас Бог. Коль наследство Стояново будет не по тебе, оставайся

Несмелом, живи в беде. А коли впору придётся наследство богатырское, быть тебе Храбром Стояновичем, витязем русским, избавителем.

Поразмыслил Несмел, а отказать старцу так и не осилился, говорит:

- Что ж за наследство такое и где оно? Может, истлело оно давно, может и не ценно оно совсем, ой, и побаиваюсь я о сем.

- То золотая броня Стоянова, - молвит Анфим, - булатные латы чудодейственнойковки. Златом на солнце сверкнут, на время и ослепнуть не долго. А уж, как держат удары меча, палицы, булавы да кистени, словно стены гранит-камня, не гнутся, не мнутся, не трескаются. Да силу имеют в себе неистовую. Чтобы латы те добыть, ох и хитрым надо быть. А не видал ли ты, добрый молодец, на пути сюда, чего странного да не здорового?

- Было, отче, - рассказывает Несмел. - Люди встретились мне, не то слепые, не то замороженные. Видят беды, коих нет. Да ничто их не вразумляет, будто желают быть обманутыми да пленёнными. Может, околдовал их кто?

- Людей Зга заморозила, - отвечает старец. - Зга неведома, незнаема, Зга немислима, мать её тьма, отец её жуть, вроде и жить даёт и уснуть. Кто чего больше всего в жизни боится, то и получает. Словно зараза Зга, один раз нахлынет, никто её не видит, а после страдают люди от видений, да верят, что взаправду они, а не кажутся. Зга сия, золотую броню Стоянову выкрала, ночью и днём стережёт её зорко. Одного она страшится, одного опасается, богатырских силы и духа, ибо чует Зга, от них смерть свою примет. Есть у неё и слабая сторона - горделива, завистлива, нетерпима она. Ступай-ка ты молодец прямо к ней. Коли поступишь, так как я укажу, Зга сама тебе золотые доспехи отдаст. А там, гляди, и одолеть её сумеешь.

- Где ж я эту Згу сыщу, в какой стороне, в каком таком краю неведомом? - спрашивает Несмел, а у самого колени подрагивают.

- Где туманы не сходят, лежат, не уходят, где стоят сонной мглой, там и Зга, там и стой. Явится вскоре сама, жди, - говорит ему старец. - А пока сил наберись, отдохни, помолись. Путь нелёгкий тебе предстоит, ой, не лёгкий, да славный.

Напоил, накормил молодца Анфим. Всем, чем лес послал, да Бог устлал. Был там и медведь с пнями-кадками, с мёдом, да с соком, белки с орешками, ежи с ягодой и грибочками да ещё настой травяной, иноческий, пьёшь, тут же храбреешь, без дела сидеть не смеешь. Уж опосля трапезы отшельнической, наставил, старец, что де Зге сказать, что с ней делать, как с ней быть, в путь дорогу молодца снарядил, да рассказывает:

- Вот тебе наказ мой последний. Коли впору латы золотые с кольчугой тебе придутся, раздобудь себе коня. Негоже богатырю без коня быть. В первой же деревни спроси, не отдаст ли кто самого старого, да дряхлого мерина, что вот-вот издохнет. Бери его, да поищи, какая бы воля могла ему силы поновить, у неё и проси, а коли не даст, вытребуешь! А там, уж, гляди, и меч тебе понадобится, да не простой, а какой подобаёт для боя со Згой - нежданно разящий. Иди за ним на распутье, к Вещему камню, да только, смотри, выбери верный путь, единственный, коим ещё никто не хаживал. Даю тебе перо Стратим-птицы, не гляди, что малое да неказистое, только дунь на него, да крепче держи, высоко взмоешь, отпустишь - осядешь, а перо потеряешь. А это, смотри, Расти-трава, - продолжает старец, срывая у ног своих цветов белый, невзрачный видом. - Вкусив её кто, вырастит немедля до небесных вершин, да в богатырский аршин. Да только ненадолго великаном быть, десять часёц всего, а с тем, так же скоро в прежний рост возвратится. Бери её, службу добрую сослужит тебе, - говорит, а сам мал-глиняный сосуд достаёт из-за пазухи, в руки Несмеловы вкладывает. - А это Святая водица, морок её боится, зло сторонится, глоток с молитвой силы даёт - мёртвый восстаёт. Да крестись почаще, не забывай: лоб, чтоб ум Бог просветил, плечи, чтоб дела рук благословил, а живот, чтобы сердце горело, да жизнь вечную имело. Отца и Сына и Святаго Духа поминай, да кланяйся. Тайную власть Зги над людьми никому не открывай, ни пользы, ни толку не будет. Поспешай, да следуй кукушкиному клику, тому, что среди иных кликов, трикратным будет, он тебя к туманным заставам и выведет. С Богом!

Благословил Анфим Несмела, осенил крестным знаменем, да тут кукушкин зов трикратный раздался. Устремился Несмел на зов, оглянулся, а старца и след простыл, исчез, как и явился.

День, ночь шел Несмел, а под утро стихла кукушка, смотрит, туман край леса обнимает, да густой, высокий, дымы в нём застыли, не дышат. Перекрестился Несмел, вошёл в одурь вязкую, сто шагов отсчитал, да на стену наткнулся высокую, монастырскую, рядом врата отверсты. Зашёл Несмел во врата, глядит кругом, по всему монастырь, маковки церквей в мороке туманном прячутся, а крестов не видать. Хотел на икону надвратную перекрестился, да не нашёл такой. Захотел в собор помолиться зайти, да двери собора заперты. Зашёл в палаты трапезные, братские. Монахи за столом широким сидят, на столе яства всё больше скоромные, блюда огромные, зелена вина разные, утварь богатая, драгоценными камнями украшенная. Чтец книгу читает, да только в обратную сторону, справа налево, оттого слова в ней пустозвучными, да потешными кажутся. Монахи то и дело смех творят, зубоскалятся, а вокруг ни креста, ни

иконы, как в капище. Приглашают Несмела, мол, садись, подели с нами трапезу. Братину полную ему черпают, блюдо с жареным рылом свиным предлагают. Руки Несмеловы сами к братине тянутся, а в памяти слова наставления Анфимова повторяются: «*крестись почаще... Отца и Сына и Святаго Духа поминай...*». Понудил себя Несмел, чело да плечи крестным знаменем осенил, в миг монахи с монастырем растворились, в дым обратились. Открыл Несмел глаза, а то сон был. Да видно Зга дремоту на него нагнала, видениями пленить хотела.

Начал Несмел молитву творить усердно, вдруг слышит, наговор приближается колдовской, шёпотный, нутро пронзающий, в небытие, как в сон ввергающий:

*Я Зга, мне мзда! Всем злом воздам! Гляди в туман! Гряди обман!
Спи... спи... да страшись, тому смерть, кому жизнь!
Дую!.. Маю!.. Всех испытаю!..*

- Не ты ли Зга мне ухо щекочешь? Не ты ли клокочешь? – говорит громко Несмел, чтобы несмелость свою побороть.

Вдруг, дымы перед ним развеялись, растянулись. Чёрной выворотью Зга показала. Ни головы, ни выи, коряги одни кривые, ни рук, ни ног, ни хвост, ни рог, глаз осовелый возникнет в кряже сажистой, моргнёт, исчезает да вновь появляется. Сопит, мигает, мглу испускает, мается.

- Чего ты страшишься, чего боишься, что ищешь, кого кличешь? – шипит Зга, точно обволакивает, глаза тяжелеют с каждым словом её, с каждым выдохом. Несмел еле себя отрезвил, еле взбодрил, и всё как велел старец сказывает по порядку:

- Ничего не страшусь я, никого не боюсь. А ищу я тебя Зга. Да тебя хочу известить, что не сдюжила ты пред моим волшебством. Повелась, обманулась, обставилась. У меня сила выше волхвов, пуще всех колдунов, ибо Божий я человек, священство на мне царское да вера на мне христианская. Думала ты, людей заморозила? Да не тут-то было! Прежде я тебе внушил, я тебя заморозил, чтобы ты так и думала. Всё перед тобой виденье, пелена да знаменье, ни одной ты душе не повредила, ни одной не погубила, сама ты спишь и веришь, что вредишь. Да, смотри, как бы я тебя совсем не извёл.

Испугалась Зга, поверила. «Уж наверно, прознал он наговор, коим страх-полусон наводится, - подумала, - да на неё саму и навёл. Сидит она тут, облапошена. Что ж за волхв такой, гость непрощенный?». Возмутилась, разветвилась, гордость душит, злоба кружит.

- Давай биться чародей! – шепчет яростно Зга.

- Что ж, давай! – отвечает ей молодец, а у самого со страху сердце чуть не выскочило. – Да вот, только ты золотые латы богатырские наденешь, не по правде бой будет, не по-честному. Да и скоро ты до брани, сперва с войском моим сразись, а там посмотрим. Жива ли будешь, в добром ли здравии?! А коли цела окажешься, так и быть сойдемся в честном поединке на Дивьем лугу, да в Ильин день.

- Так тому и быть! – зашипела в ответ Зга. В то же мгновение золотая броня у ног Несмеловых появилась, а Зга шурша, да тяжело дыша, скрылась, уводя за собой туман, точно гарь в дымоход.

Сошли туманы, исчезли пелены да завесы, всё курево Зги растворилось, открылись просторы дивные, земли бескрайние. В пору пришлось Несмелу латы золотые булатные. Был Несмел да весь вышел. Восстал богатырь русский - Храбр Стоянович, витязь преславный, страха на век лишённый.

Идёт богатырь по русской земле, бронёю золотою сверкает, Бога песней хвалебною да хвалою молебною, пуще прежнего славит. Пел, распевал, пока за холмом сельцо не показалось, Осиповою Пустынью на Руси прослывшее. Монастырёк в сельце окормляется ветхий. Вошел туда Храбр Стоянович, кресту надвратному поклонился. Заглянул в церковь, а там монахи с сельчанами молитву творят, все на коленях стоят, просят люди Бога избавить их от напастей непрошенных, простить им грехи их смертные. Встал на колени и Храбр Стоянович, помолился, повинился, покаялся. А кончив, поднялся, челом бьёт, да спрашивает богомольцев, мол, нет ли на селе мерина старого да дряхлого, что, вот-вот издохнуть может? А те, мол, на кой тебе старый, да дряхлый?

- Храбр Стоянович я – богатырь русский, нельзя мне без коня-то! А что старый не беда, годы еще никому в мудрости не мешали, а дряхлость и вялость, поправить можно, – отвечает.

Послали люди Храбра к Федулу Скугóre. Помнили вроде, был у него давным-давно конь, а издох али нет, не ведают.

Подошёл Храбр к избе на которую сельчане указали, видит, сидит на крыльце Скугоря Федул, слёзы проливает, да всхлипывает.

- Отчего кручинишься, мил человек? – спрашивает богатырь.

- Конь мой, Постыл старый да больной, - отвечает Федул. - Верой и правдой служил мне долгие годы. А зарезать его рука не поднимается да и чужим позволить не могу. И горько и жалко, вот вместе и мучаемся. Уж теперь и не знаю, кто из нас первым преставится? Как быть, ума не приложу?

Поднял Храбр на ноги Федула и говорит:

- Помогу я твоему горю! Отдай мне своего мерина, уж я его убивать не стану. Токмо теперь он моим будет, да дай слово на людях, что не потребуешь его обратно.

Согласился Федул, попрощался с конём, побожился пред сельчанами, что не вспомнит больше о нём да слёзы стал еще больше лить, еще чаще всхлипывать. Взял Храбр Стоянович под уздцы мерина, да тот еле идёт, шаг шагнёт, приседает, вот-вот упадёт. Тощий весь, с проседью, голову влачит у самой земли. Подвёл коня богатырь к обрыву у реки Кубрь, что сельцо огибаает. Скороходна река, борза, да игрива. «В самый раз у неё-то сил для коня попросить», - подумал богатырь, помянув наставление Анфимова. Вошел по колено в реку да кричит:

*Ой, и кубарем летишь ты, речка-реченька,
От стремнин твоих удалых дай пол плечика
Понови мне коня сила вольная
Поделись, окажи милость, не отказывай!*

Вознегодовала Кубрь-река от дерзости такой Храбровой, забурлила, запенила. Окатила богатыря студеной водой, волною подняла да на берег выплеснула.

- Не хочешь, видать, по-хорошему, будь, по-твоему, не по-доброму, - бросил ей в сердцах богатырь.

Взобрался на обрыв, отыскал вековой валун-камень языческий, огромный такой, с избёнку будет. Поднатужился, навалился, сдёрнул камень с земли, а тот, как покатится, окрест земля гудит, сотрясается. Сорвался с обрыва валун, прямо в русло реки и завалился, ходу воде не даёт. Бьётся Кубрь о валун, а всё без толку, разливается только да пенится. Вновь Храбр к реке идёт, коня убогого ведёт да сказывает:

- Уж, довольно река-мать нашу землю омывает. Сколь добра от тебя, а сколь горюшка? Сколь в разливе вреда, а утопленничков-то, ой, беда. Впору долги возвращать. Впору тебе нищать. Одари коня моего силою, так и быть, будешь жить, помилую. Отвалю валун побежишь вновь, обнови мать коню молодú кровь.

Искупал Храбр старого мерина в водах реки бурлящей, вывел на берег, а перед ним конь восстал гнедой да крепкий с гривой белой да поступью смелой. Сел на коня Храбр Стоянович, на дыбы поставил, да как вдарит копытами о валун, тот в раз и рассыпался. Река высвободилась, ринулась, зазвенела. А Храбр на коне в село вернулся. Селяне ему кланяются, мужики шапки снимают, «гой еси, Храбр Стоянович!». Едва заметил его Федул Скугоря, бежит навстречу, руками машет, да слёзно кажет:

- Отдай мне Постыла Храбрушка, Богом молю! Что хочешь для тебя сделаю!

- А не ты ли на людях мне клятву давал, что мой теперь конь? – останавливает его Храбр сердито. - Да и не Постыл он теперь, не мерин поводный, а Игрень, битюг богатырский. Али не видишь разницы? Взявши слово крепись, а не давши держись!

Осунулся Федул, опечалился, пошёл, на крыльце у себя перед избой вновь уселся, и ну, давай слёзы лить, да кручиниться. Оттого его Скугорей народ и прозвал. Скука, да горе его раздолье. Что не дай, всё немилость. Хоть и унывать, да ничего б не менять. Авось, кто спросит, мол, Федул, чего губы надул да глядишь и пожалеет.

Не долго Храбр оставался, сразу к распутью заветному с Вещем камнем отправился. Ехал богатырь, ехал, Русь без огляди копытил: то пыль дорог, то бездорожье, то крутизна, то подъём, то скат, то накат, то пролесок, сухостой, то болото, куст густой. День, другой минет, старый путь сгинет. Что ещё минути, что б найти распутье? На шестой день, дорога кончаться стала, в поросли затериваться. Глядит Храбр Стоянович, камень посреди дороги в землю вросший. От камня влево, да вправо дороги гиблые уходят. А на камне начертания мхом да паутиной затянутые:

*«Налево пойдешь – коня сохранишь, себя потеряешь.
Направо пойдешь – себя сохранишь, коня потеряешь,
Прямо пойдёшь – и себя и коня, потеряешь».*

«...смотри, выбери верный путь, единственный, коим ещё никто не хаживал...», - слышит в памяти богатырь слова Анфимовы. «Какой же тут путь, нехоженный? – думает Храбр Стоянович. – Ежели только до неба?! Так, ведь, летать-то я не умею!» Догадался тут витязь, для чего ему Анфим перо Стратимптицы дал. Достал его он, сжал крепко, да дунул метко. Тут же вместе с конём взмыл под своды небесные. За облаками земли не видно, а дышать тяжело, Игрень копытами машет, аж пену пускает. Облаков в небе ни счесть, тучи у них видать старшие, да важные, заря кругом от молний кажется, ветры неистовые носятся, завывают, перо в руке Храбровой еле держится. Увидал Гром витязя на коне сидючи среди облак, да туч парящего, грянул вдруг, да раскатисто, гулко, с грозами:

- Это кто ж такой к нам на небо пожаловал? Отродясь, здесь человек не бывал, не хаживал. Назовись, да поведай, что и как тебя привело сюда?

- Гром великий, Гром могучий, - отвечает Храбр Стоянович. - Благодарю, тебя, за терпеливый приём. Храбр я, Стоянов сын из Ольгов-града. А здесь я не по своей воле, а по нужде великой. Зга хозяйничает на земле русской, пленяет людей, да обманывает. А ложь да неволя, горше смерти да боли. Чтобы со Згой

справиться, меч особый мне нужен, нежданно разящий. Может, сыщется у тебя такой? А подняться к тебе помогло мне, вот это перо Стратим-птицы, твоей сестрицы. Отпущу его, к ней вернётся, а мой конь земли коснётся, только вели.

- Слыхал я о Зге. Зрел туманы её. Знаю горе ваше, - гремит Гром. – Помогу я тебе. За смелость твою, правдивость да сердце милующее, дам тебе меч, коим не то, что Згу, саму Смерть победить можно.

В тот же миг, нависла над Храбром туча, полыхнули в ней грозы, да молнии. Огни в латах богатырских отражаются, сам блистает не хуже их отсвета. Одна среди прочих вырвалась, да предстала раскаленным мечем перед ним. Взял богатырь молнию за рукоять, а та, извиваясь да шипя, обогнула его кольцом и поясом златым пристала. Храбр дивится чуду, да рассказывает:

- Низко Гром тебе кланяюсь. От всего сердца прими благодарность безмерную. Век помнить буду!

Выпустил из руки перо богатырь, да немедля на земле очутился, конь головой довольно потрясывает, копытом траву побивает, бурчит. Храбр тоже рад, да молчит, Бога в сердце, славит.

Близ уж Ильин день, чего долго рассиживаться, пора и в путь-дорогу собираться. Отправился Храбр не мешкая к Дивьему лугу. Нагнал его по пути гонец из Суждали от вече созывного. Мол, слух донёсся и до них, что на Руси восстал богатырь русский, Храбр Стоянович, что на неведомого врага, мол, идёт, что биться с ним желает. Не нужна ли, де, помощь от князей и воевод, пушек, воинов, да подвод?

- Слухи - они, как вредные старухи, - рассказывает гонцу богатырь. – Вздорны да назойливы. Передай, братец, поклон всему вече русскому от меня. Да пусть не сердятся, не обижаются. Там, куда я иду ветер в поле, да жабья воля. Лягушек с колючками потопчу, «э-ге-ге!» прокричу, вот и всё побоище, чепуховин сборище. Уж, как нелепо князья там с воеводами глядеться будут. Скачи в Суждаль, да с поклоном, пусть хмарь всю гонят колокольным звоном! Да помолятся за меня многогрешного...

А на Дивьем лугу, уж острó-пёстрó, да репейник с чертополохом хозяйничают. Прибыл Храбр Стоянович к месту назначенному в самый канун Ильина дня. Спешился, приклонил колено, да тихо молвил:

*Ты Земля-мать, меня и себя выручай,
Колыбели безвременья в круг раскачай
Травы дивьи и вы не оставьте
Мне опорю верною станьте
Послужите не мне, так Руси Святой
Да покончим вместе теперь со Згой...*

Взмолился Храбр, руки воздел над собой. Христа Господа с Богородицею и со всем ангельским чином призывать стал, да святых русских, а всё больше пророку Илье молился да лежал покаянно, слезился. Крест нательный целовал, окрест себя всё и вся осенил, да утомившись, уснул у ног Игрневых.

Услышала Мать-Земля Храбровы прошения. Остановила под утро времени бег. Замерли облака на рассвете, осенило солнце восходящее дали пунцовым светом. Не восстал никто ото сна, ни цветок, ни зверёк, ни человечьи очи, кроме тех, кому Бог жизнь отмерил ночью.

Не успел глаза открыть Храбр Стоянович, а Зга тут, как тут. Шёпот далече её слышно. Поле едва просматривается, туманы нашли на него вязкие, непроглядные.

- Где же войско твоё Чародей? – спрашивает, а голос, что эхо, то дальше, то ближе.

- Так невидимо оно, волшебное. Полчища несметные и все бессмертные, – отвечает Храбр, потягиваясь. - За тобой тоже, смотрю, не видать никого.

- Со мной вся тьма, не зреть и дна! Настало время, первого боя! – шипит Зга со злобою.

Знает Храбр, что нужно противникам для ратного единоборства по воину с обеих сторон выставлять. Давай, мол, первой Зга, машет Храбр рукой на тот конец Дивьего луга. Смотрит, а посерёд поля всадник от неё выходит. Чёрный весь, как и конь его, мечущийся да подрагивающийся странно. Присмотрелся богатырь, а всадник с конём оба из мошкары, да мух собранные, роятся они в них, еле образ держат; разлетятся, по своей суетности да обратно вновь держать строй пытаются. А за всадником, тьмы этой мошки мельтешат над лугом.

Опустил голову Храбр призадумался. Какой такой мухобой нужен, да и где ж взять его? Сморит, мизгирь по земле среди трав хаживает, паутину налаживает. Палец ему богатырь подставил, тот и взобрался. Поднял к лицу его Храбр, а на ладони Расти-траву ему подносит, да сказывает:

- Всё голодаешь, брат, мизгирь? А вот тебе пир, гляди, до поры, не съесть за раз мошкары, тебе, да потомству твоему на сотни лет! Вкуси только Расти-травы заветной, мигом вырастишь, да выше сосен поднимешься, вся мошкара твоя станет, вот только десять часец у тебя, не более.

Не привык мизгирь, что бы с ним человек речи вёл, попятился. Да немного поразмыслив, вернулся, вкусил-таки Расти-траву с ладони Храбровой.

Едва Зга зашипела, где, мол, ставленник твой, тот, кто бой первым от тебя примет, глядит, а на поле чудо-мизгирь высотой, аж, в двадцать косых сажений вырос. Лапы длинющие, глазищ не счесть, тугая шерсть, сети плетёт, кидает, паутиной всё оплетает. Миг, другой, нету мошки ни одной. Ходит медленно мизгирь по лугу, уловляет всю округу. Всадник мошкарный первым разлетелся

со страху на вошки да не далёко. Наполнил мизгирь свои сети мошкаррой да козявкой разной; зашагал прочь, лапы наскоро перебирая, покуда десять часец не прошло, а пока бежал, успел Храбру всеми своими бесчисленными глазами подмигнуть с благодарностью.

Зга возмутилась, во все стороны растеклась, расправилась, козни строит, тьмою кроет. Смотрит, Храбр, а вдоль луга Дивьего войско выстроилось тёмное, непроглядное. Тенью легло нескончаемой. Легион очертаний сумрачных. Полки призраков бесплотных, мстительных. Не успел опомниться богатырь, а тени уж двинулись всей своей чернотой вглубь поля дикого. Пики да лапы корявые медленно тянутся да беззвучно, вот-вот гляди другого края луга коснуться. Взял Храбр Стоянович мал-глиняный сосуд со Святой водой Анфимовой да выплеснул перед собой крестообразно на тень приблизившуюся со словами:

В бегство да предварится всё лукавое, бесовское действие. Аминь

Отступил строй теней, рассеялся, да другой его быстро нагнал, вновь щупы тянут по полю свои гнутые воины мутные. И так раз за разом. Окропит, отступают да сызнава наступают. Кончилась Святая вода у богатыря, тени уж до него добираются, душить собираются. Тут травы сорные, полевые извиваться стали да меж собой скручиваться, связывают накрепко нечисть воинствующую, не дают ей и пяди двинуться. А и поспела тотчас Земля-матушка, ход времени возвернула. Возшло солнышко яркое высоко над полем, вмиг разогнало всё войско тёмное. Одна Зга на нём и осталась, бесится малость да злобствует, не понимает.

- Чай и мы с тобой Игреньюшка, в стороне не останемся. Пришёл наш черёд с кривдой дьявольской сразиться, со Згой проклятущей покончить, - воскликнул Храбр Стоянович. Сел на коня да в поле стремглав поскакал прямо на Згу. Распростёрлась Зга, окружила его, шумит, условия ставит:

- Что ж ты воин, латы златые-то сам надел, а мне воспрепятствовал? Не по правде будет бой, не по-честному. Либо коня оставляй, либо латы снимай, таков уговор будет.

- Добре! - согласился богатырь. Я и латы сниму и коня отпущу, только тогда уж давай голыми руками биться, без оружия.

Снял с себя доспехи булатные Храбр, только пояс золотой оставил, обнял за шею коня, не взыщи мол, братушка, ступай, да жди меня, Бог даст, свидимся. Долго не желал расставаться Игрень с хозяином, да делать нечего, побрёл медленно с поля, голову понуро склонив. А Зга сейчас же богатыря тьмой окутала, льёт сон да дремоту сочит, тужится. Пояс на богатыре дрожит да все ярче становится, богатырю уснуть не даёт. Храбр очи сомкнул, притворился, что сон нагнанный, уж одолел его, а сам в щелочку меж ресниц посматривает, чувствует,

не сдержит слово Зга, уж верно прячет во тьме свой остриё коварное. Так и есть. Чуть только заметил, как Зга длиннущей иглой чёрной размахнулась пронзить сердце богатырское, схватился за пряжку, та вмиг рукоятью обернулась, вынул меч-молнию горящую да разящую, рубанул ей по игле, той и не стало. Згу испугало. Умалилась, съёжилась, кружит, маячит, глаз в тело прячет. Да не просто попасть в Згу даже молнией. Машет Храбр Стоянович мечём своим искрящимся, да всё мимо, всё впустую. Утомился уж, силы терять стал, уследить за Згой всё труднее ему. Вот уж потерял её из виду, да боль в спине почувал тут же острую. А из груди молодецкой, иглу черную увидел торчащую. Пал в травы Дивьего луга Храбр Стоянович, меч-молнию в руке сжимая да веки от боли сомкнул.

Ох, и возрадовалась победе Зга, скрылась в тумане, шипя, да ликуя. Беззакония да лихоимства отправилась творить свои безнаказанно.

Травы пригнулись, солнце померкло, роса заслезилась, утихли птицы, стрёкот луговой перестал, дождь накрапывать стал. Рыдает Мать-Земля русская, оплакивает сына своего верного, богатыря бесстрашного Храбра Стояновича. Игрень к витязю подошёл, низко голову склонил, гривой своей белою, покрыл лицо воина горюичи.

Да, что за диво такое?! Пчёлы вдруг откуда-то налетели, кружат, роятся. За пчелами бабочки запорхали, да шмели зажужжали. А след за ними старец возник седовласый, Анфим отшельник предивный. Подошёл к Храбру, встал на колени, да голову склонил низко. Творит молитву, а сам будто светится весь. Час проходит, другой. Поднял голову старец, перекрестился, к уху Храброву наклонился, да шепнул:

*Зга – обман,
Смерть – дурман,
Жизнь красна,
Восстань ото сна!*

Поднялся Анфим, вскружились вокруг него пчелы, бабочки, да шмели, да также и исчезли вмиг, как и явились вместе со старцем.

Открыл глаза Храбр Стоянович, в небо да на коня глядит, глазам не верит. Сон ли это вещей али наяву? Толкнул Игрень мордой руку богатырскую да заржал игриво, обрадовался. Восстал витязь в полный рост, вобрал полную грудь травного духа да волюшки. «Коли Богу угодно, мне живот даровать, уж неправде всякой, ой, и не перемочь, ой, и несдобровать!» - подумал и осенил себя крестным знаменем. Вскочил на коня да вдогонку за Згой помчался, за туманами её, за тягучими. Недолго скакал богатырь, Зга на радостях повсюду пелены марева расстилает, нагонять спешит упущенное. Вторгся Храбр в самую гущу да кричит:

- Чего ж ты бежала, Зга, с поля брани?! Али вновь почудилось, что? Уж не поверила ль ты, что воина русского одолеть смогла?

Явилась Зга черней чёрного, корячится, корёжится, то вскипит, то съёжится. Глаз моргает словно тикаёт. Голос потеряла, поскрипывает. Уж никак не ожидала богатыря живым увидеть. Со страху и гнева редеть да мельчать стала. Таяла, таяла да скоро меньше песчинки и стала. Не видать совсем. Так и говорят с тех пор, когда тьма найдёт непроглядная, ни зги, мол, не видно.

Развеялись туманы, раскрылись обманы, очнулись люди, да не для всех Зга уроком послужила. Доверчивость, да невежество так и ходят, по сей день, рука об руку, людей в заблуждение вводят.

Ай, и славных много еще подвигов совершил богатырь, Храбр Стоянович. Не раз ещё Русь избавлял от неправд, да зла разного, но, то уж в других сказках сказано, в других былинах воспето.

ПОЯСНЕНИЯ

Станово становище - укромное место в низине, очень глухое место стоянки.

Гой еси — приветственно-величальная формула в значении «будь жив!» или «будь здоров!».

Любостай – мифологическое существо у др. славян, чудовище, соединяющее в себе черты пресмыкающегося, птицы, животного, человека.

Хвалитны – стихи из псалмов хвалитных (148 «Хвалите Господа с небес», 149 «Воспойте Господеву песнь нову» и 150 «Хвалите Бога во святых Его»)

Стратим-птица - в славянской мифологии является воплощением Стрибога, как и Алконост. В некотором роде, она – архетип матери всех птиц.

Битюг - крепкий ломовой конь.

Дивий - дикий

Острó-пястрó - общеупотребительное русское название расторопши.

Скугóрить - хныкать, плакать, визжать, как щенок, скучить.

Кубрь - река в Ярославской и Владимирской областях России.

Осипова Пустынь - на р. Кубре, основана на месте битвы новгородской дружины Всеволода Мстиславича с суздальской дружиной Юрия Долгорукого на Жданой горе в 1135 г. Бой произошел 26 января в день памяти Иосифа епископа Солунского, в честь которого назван монастырь.

Óльгов - исчезнувший древнерусский город в Рязанской земле. Ныне археологическое Городище в Спасском районе Рязанской области.

Часéц - мельчайшая единица времени (библейская «точка времени») в древней Руси.